

Слова благодарности

Без терпимости и помощи со стороны окружающих невозможно совместить основную работу и написание книги. Я приступил к ней, трудясь в журнале «Форин афферс». Редактор журнала Джеймс Хоуг и президент Совета по внешней политике Лесли Гелб великодушно предоставляли мне возможность проводить научные изыскания и корпеть над рукописью. Несмотря на постоянный аврал, сопутствующий выпуску еженедельного издания, в журнале «Ньюсуик» я встретил аналогичное понимание со стороны главного редактора Рика Смита и его заместителя Марка Уитакера. Я нахожусь в неоплатном долгу перед всеми моими коллегами из «Форин афферс» и «Ньюсуик», поддерживавшими производственный процесс, пока я работал над книгой, но особую благодарность я адресую Гидеону Роузу, Стивену Страссеру и Нисид Хаяри. Мои помощницы на протяжении этих лет – Дебора Милан и Энн Коулман, а затем Шэрон Салливэн и Патриция Хьюи – помогли мне выдержать бремя многочисленных обязанностей.

Неоценимое содействие оказали мне два молодых и талантливых научных ассистента. Сэмюэл Уолш проделал большую часть исследований, особенно в области сопоставлений и расчетов всех представленных в книге экономических данных. Сейчас Сэм – начальник секретариата одного из членов муниципального совета города Нью-Йорка и готовится к защите диссертации в Гарвардской школе бизнеса и школе государственного управления имени Дж. Кеннеди. Джошуа Брук начинал необходимые для написания книги изыскания в тот период, когда она представляла собой разрозненные фрагмен-

ты и нуждалась в упорядочении. После нашей совместной работы Джошуа прошел обучение в Школе права при Университете штата Мичиган и в настоящее время является секретарем окружного суда Восточного округа Нью-Йорка. Кроме того, в написании главы, посвященной исламу, мне весьма помог мой друг Тарик Масуд. Сначала он был стажером в «Форин афферс», затем репортером в передаче «Час новостей с Джимом Лерером», а сейчас работает над своей диссертацией на факультете политологии Йельского университета.

Я просил своих друзей почитать рукопись. Выражаю благодарность Эндрю Моравчику из Гарвардского университета, Шери Берман из Университета штата Нью-Йорк, Уоррену Бассу из Совета по внешней политике, Захари Карабелу из фирмы «Фред Элджер энд эссошиэйтс» и, конечно, выпускающему редактору «Форин афферс» Гидеону Роузу. Выпускающий редактор журнала «Ньюсуик» Джон Мичэм читал шестую главу и высказал ряд полезных советов по вопросам религии в Америке.

Было приятно работать с моим литературным агентом Тиной Беннет, неизменно полной энтузиазма, настойчивой и очаровательной. Редактор книги Дрэйк Макфили – из редкой категории профессионалов, глубоко погружающихся в тексты, над которыми работают. Он скрупулезно читал рукопись, делая подробные и меткие замечания по поводу ее структуры, стиля и содержания. Благодаря ему книга стала значительно лучше. Все сотрудники издательства «Нортон» оказались приятными в общении и квалифицированными специалистами. Я чрезвычайно благодарен помощнице господина Дрэйка Эве Лазовиц и ветерану «Форин афферс» Трэйси Нэгл за вычитку рукописи.

Как и во всех случаях малых или больших успехов своего сына, мои родители с волнением ждали выхода книги в свет. По затронутым в ней вопросам мы часто беседовали с отцом. Он присылал мне необходимые вырезки, факты и статьи, из которых я извлек немало ценного. Анализ проблем Индии в значительной мере основан на нашем общении. Тем не менее, следует внести ясность: в книге представлена исключительно моя точка зрения по этому вопросу. Мой брат Аршад как все-

гда оказывал мне огромную поддержку. Другой брат, Мансур, подал замечательную идею относительно названия книги, а также немало других. Дэн и Джоан Роуз подарили моей семье и мне свою дружбу, и мы крайне признательны им за это.

Наконец, о моей супруге Пауле, которой посвящено американское издание книги. Конечно, ей было бы гораздо приятней почитать романы. Тем не менее, она не раз проверяла каждое слово в моем тексте, высказывала подробные замечания, а однажды даже нарисовала диаграмму, доказывая, что необходимо частично изменить аргументацию (и оказалась права). Жена рада завершению книги, ведь я снова могу уделять больше времени семье, а она – вернуться к своим романам.

Введение

Эпоха демократии

Мы живем в эпоху демократии. В прошедшем столетии ее подъем повлиял на изменение мира в гораздо большей мере, нежели все прочие тенденции. В 1900 году ни в одной стране не было того, что мы сегодня считаем демократией, а именно – власти, сформированной по итогам выборов, в которых может принять участие любой совершеннолетний гражданин. Ныне такая система действует в 119 государствах, то есть в 62 процентах всех стран мира. То, что некогда было практикой, присущей лишь горстке государств, расположенных на берегах Северной Атлантики, теперь стало привычной формой правления для значительной части человечества. Монархии устарели, фашизм и коммунизм полностью дискредитировали себя. Даже мусульманская теократия привлекает лишь немногочисленных фанатиков. В подавляющем большинстве государств демократия стала единственным источником политической легитимности. Такие диктаторы, как Хосни Мубарак в Египте и Роберт Мугабе в Зимбабве, прилагают немало сил и средств для организации общенациональных выборов и, конечно, легко побеждают на них. Если даже противники демократии прибегают к ее риторике и воспроизводят ее ритуалы, значит она действительно победила.

Мы живем в эпоху демократии и в более широком смысле. Само это понятие имеет греческие корни и означает «народное правление». И сейчас мы повсюду наблюдаем перетекание власти сверху вниз. Я называю все это «демократизацией», хотя происходящее выходит за пределы политической сферы. Аналогичные процессы развиваются повсюду: распадаются иерархические структуры, закрытые системы превра-

щаются в открытые, а давление со стороны народных масс стало главной движущей силой социальных перемен. Из формы правления демократия превратилась в образ жизни.

Рассмотрим хозяйственную сферу. Главные отличительные черты и особенности нынешнего капитализма состоят не в его глобальности или первостепенной роли информации и технологий в его развитии; все это имело место и на более ранних этапах истории. Современный капитализм характеризуется прежде всего тем, что он *демократичен*. В последние полвека экономический рост в индустриальных странах привел к повышению благосостояния сотен миллионов людей, создав феномен массового потребления, накопления и инвестирования. Это вызвало изменение структуры общества. В результате экономическая власть, столетиями концентрировавшаяся в руках узкой группы предпринимателей, банкиров и бюрократов, стала перемещаться вниз. Теперь большинство компаний – да и стран – добиваются расположения не кучки богачей, а многочисленного среднего класса. И правильно делают, ведь активы даже наиболее престижных инвестиционных групп не идут в сравнение со средствами пенсионных фондов наемных работников.

Демократизируется и культура. То, что принято называть «высокой культурой», по-прежнему престижно, но предназначено только для людей солидного возраста и более не находится в эпицентре культурной жизни общества. В ней теперь доминируют поп-музыка, кинофильмы и телевидение. Именно они определяют каноны современной жизни и набор культурных ориентиров для широких масс населения. Пронизывающая общество демократическая революция изменила само определение культуры. Например, раньше репутация певицы зависела от того, кому нравилось ее искусство. Сегодня ключом к славе является то, *как много* у нее почитателей. По таким меркам Мадонна всегда будет впереди Джесси Норман. Количество затмило качество.

Чем вызван столь крутой сдвиг? Как и во всех случаях крупномасштабных социальных явлений, подъему процесса демократизации способствовали многие факторы, в частности – научно-техническая революция, рост благосостояния средне-

го класса, а также крах альтернативных капитализму систем и идеологий организации общества. К числу основных системных причин следует добавить еще одну: роль США в мире. Доминирование Америки – страны с глубоко демократической политикой и культурой – привело к тому, что демократизация повсюду стала казаться неизбежной. Каковы бы ни были ее конкретные причины, волна демократизации оказывает вполне предсказуемое воздействие на все сферы жизни. Она разрушает былую иерархию, наделяет властью людей с улицы и вызывает в обществе перемены, далеко выходящие за рамки политики. Большинство отличительных особенностей мира, в котором мы живем, фактически является следствием реализации идеи демократии.

В бурные 1990-е годы мы не раз читали, что произошла демократизация технологии и информации. Это сравнительно новое явление. В прошлом технология способствовала укреплению централизованных и иерархических начал. Скажем, предыдущая крупная революция в информационной сфере 1920-х годов, связанная с повсеместным распространением радио, телевидения, кино и [уличных] репродукторов, оказала централизующее действие. Отдельные люди и группы, располагающие доступом к соответствующей технологии, получили возможность обращаться ко всему остальному обществу. Поэтому во всех переворотах и революциях XX века первым шагом был захват контроля над общенациональными теле- и радиостанциями. Нынешняя же информационная революция привела к множественности источников информации, что делает невозможным контроль над ними из единого центра и облегчает выражение несогласия. Интернет продвинул данный процесс еще дальше, поскольку, по словам обозревателя Томаса Фридмана, к этой системе «могут подключиться все, но никого нельзя проконтролировать».

Демократизация технологии и информации означает, что практически каждый получает доступ к чему угодно, например – оружию массового уничтожения. Теперь уже известно, что в 1990-е годы Усама бен Ладен осуществлял серьезную программу в области биологического оружия. Особенно поражает тот факт, что научная информация и учебные матери-

алы, обнаруженные в тайниках «Аль-Каиды» в Кабуле, не относились к секретам, похищенным в государственных лабораториях. Это были документы, добытые через интернет. Если вы хотите найти сегодня данные о сибирской язве, рецепты отравляющих веществ или методы боевого использования обычных химикатов, то нужна только хорошая поисковая система. К сожалению, открытые источники информации скоро помогут кому-нибудь создать «грязную бомбу», поскольку в настоящее время ее компоненты получить легче, чем когда-либо прежде. В основном для этого требуются некоторые специальные знания, а они в последнее десятилетие получили широкое распространение. Легко доступна даже ядерная технология. Ведь она представляет собой ноу-хау пятидесятилетней давности, аналогичное радиовещанию на основе амплитудной модуляции и черно-белому телевидению. Происходящее можно назвать демократизацией насилия.

Это не просто хлесткая фраза. Демократизация насилия составляет одну из основных, причем устрашающих, черт современного мира. Столетиями в человеческих обществах государство сохраняло за собой монополию на законное применение силы. Подобное неравенство в силе между государством и гражданином создавало определенный порядок и служило частью каркаса сложившейся цивилизации. Однако в последние десятилетия подобное преимущество государства ослабло; ныне небольшие группы людей в состоянии совершать ужасающие деяния. В то время как терроризм наносит наисерьезнейший удар по государственной власти, центральные правительства оказались в осаде и по другим направлениям. Рынки капитала, частное предпринимательство, местное самоуправление и неправительственные организации набрали силу, что сужает власть государства. Свидетельство тому – нарастающий по всему миру нелегальный поток людей, наркотиков, денег и оружия. Подобная диффузия власти будет продолжаться, так как ее подстегивают крупные изменения в технике, обществе и экономике. После 11 сентября 2001 года государство вернуло себе позиции, обновив свою власть и легитимность. Эта тенденция также сохранится. Эпоха террора будет, таким образом, характеризоваться столкновением фак-

торов, способствующих демократизации власти, с одной стороны, и укреплению государства – с другой.

Обсуждать подобные проблемы – не значит утверждать, будто демократия дурна сама по себе. В подавляющем большинстве случаев она приносила замечательные результаты. Кому из нас хочется вернуться во времена, где было меньше выбора, индивидуальных возможностей и самостоятельности? Но как и у всякой глубокой трансформации, у демократии есть свои негативные аспекты. Между тем мы редко обсуждаем их, а в результате не можем их осознать. Говорить на эту тему – значит немедленно вызвать в свой адрес критику: вы не в ладах со временем. Опасение заработать клеймо противника демократии принуждает нас замалчивать проблемы, сопутствующие всевозрастающей демократизации жизни. Все исходит из установки, будто демократия в принципе не может вызывать каких-либо проблем. Поэтому вину за социальные, политические и экономические болезни мы возлагаем на что угодно, не желая видеть реалии и избегая неприятных ответов. Тем самым мы оставляем вне обсуждения ту величайшую трансформацию, которая находится в эпицентре всей политической, экономической и общественной жизни.

Демократия и свобода

Американский дипломат Ричард Холбрук говорил по поводу Югославии 1990-х годов: «Предположим, что проведены свободные и справедливые выборы, однако избранниками оказываются расисты, фашисты и сепаратисты. Таково реальное противоречие». Оно характерно сейчас для всего мира, а не только для бывшей Югославии. Рассмотрим, к примеру, вызов, с которым мы сталкиваемся в исламском мире. Все признают, что вместо репрессивных режимов там нужна демократия. Но как быть, если демократия порождает мусульманскую теократию или нечто подобное? Это вовсе не праздное беспокойство. В разных частях света режимы, избранные демократическим путем (причем многие из них переизбраны повторно или подтвердили свою легитимность в ходе общенародных референдумов), сплошь и рядом игнорируют кон-

ституционные ограничения своей власти и лишают граждан фундаментальных прав. Этот вызывающий беспокойство феномен наблюдается повсюду: от Перу до Палестинской автономии, от Ганы до Венесуэлы; его можно назвать «либеральной демократией».

На Западе демократия подразумевает именно «либеральную демократию»: это политическая система, которой присущи не только проведение свободных и справедливых выборов, но также верховенство закона, разделение ветвей власти и обеспечение базовых свобод – свободы слова, собраний, вероисповедания и владения собственностью. Однако подобный «пучок» свобод – его можно назвать «конституционным либерализмом» – по сути дела не имеет ничего общего с демократией. Либерализм и демократия не всегда шли рука об руку – даже на Западе. Ведь Адольф Гитлер стал канцлером Германии в результате свободных выборов. На Западе за последние полвека демократия и свобода оказались неразрывно переплетены. Однако в сегодняшнем мире эти два компонента либеральной демократии, составляющие плоть западной политической модели, все больше расходятся друг с другом. Демократия расцветает, а свобода – нет.

В некоторых странах, в частности среднеазиатских, выборы проложили дорогу диктатурам. В других они обострили межгрупповые конфликты и межэтническую напряженность. Например, Югославия и Индонезия отличались гораздо большей терпимостью и светскостью, когда ими жесткой рукой управляли, соответственно, Тито и Сухарто, чем теперь, когда там провозглашена демократия. В большинстве недемократических стран выборы ненамного улучшают ситуацию. Если в арабских странах завтра состоятся выборы, они скорее всего приведут к власти еще менее терпимые и более реакционные, антизападные и антисемитские режимы, нежели те диктатуры, которые правят там сейчас.

Мир становится все более демократическим, а режимы, сопротивляющиеся этой тенденции, порождают общества, не способные нормально функционировать. Именно это происходит в арабском мире. Люди там сильнее, чем когда-либо, ощущают, что лишены свободы – ведь им известны альтерна-

тивы, которые они могут наблюдать по каналам «Си-Эн-Эн», «Би-Би-Си» или «Аль-Джазире». В то же время демократия в недавно обретших ее странах слишком часто превращается в бутафорию, вызывающую разочарование, беспорядки, насилие и новые формы тирании. Достаточно взглянуть на Иран и Венесуэлу. Конечно, это не причина, чтобы впредь не прибегать к выборам, но несомненно стоит задаться вопросом: что лежит в основе столь неблагоприятного характера развития событий? Почему многим развивающимся странам так трудно построить стабильные, в полном смысле слова демократические общества? Раз уж мы взялись решать грандиозную задачу построения демократии в Ираке, то как гарантировать успех такого начинания?

В первую очередь нужно выяснить, что мы подразумеваем под политической демократией. Со времен Геродота ее определяли, главным образом, как власть народа. Определение демократии как процесса избрания правительств ныне широко используется учеными. В работе «Третья волна» видный политолог Самюэль Хантингтон дает следующее объяснение:

Выборы – открытые, свободные и справедливые – составляют существо демократии; это то, без чего невозможно обойтись. Правительства, сформированные по итогам выборов, могут оказаться неэффективными, коррумпированными, недальновидными, безответственными, движимыми корыстными интересами и неспособными проводить политику во имя общего блага. Подобная власть нежелательна, однако это не делает ее недемократической. Демократия – далеко не единственное из достоинств общества. Взаимосвязь демократии с другими общественными добродетелями можно понять, только четко выделяя ее среди прочих характеристик политической системы.

Данная трактовка рассматриваемого термина созвучна и здравому смыслу. Страну, в которой проводятся соревновательные выборы с участием нескольких партий, мы называем «демократической». Когда степень общественного участия в политике страны повышается – скажем, в результате предоставления избирательных прав женщинам, – считается, что такая страна стала более демократичной. Конечно, выборы дол-

жны быть открытыми и справедливыми, что требует определенной защиты свободы слова и собраний. Но если выйти за рамки этого минимального требования и относить страну к разряду демократических исключительно тогда, когда в ней гарантирован определенный набор социальных, политических, экономических и религиозных прав (которые будут разными с позиций каждого наблюдателя), то слово «демократия» лишится смысла. В конце концов, в Швеции сложилась экономическая система, которая, как утверждают многие, урезает индивидуальные права собственности, во Франции до недавнего времени сохранялась государственная монополия на телевидение, а в Великобритании религия находится в ведении государства. Однако все они однозначно являются демократическими странами. Отождествлять «демократию» с «хорошим правительством» – значит делать данный термин аналитически бесполезным.

Со своей стороны, конституционный либерализм подразумевает не процедуры избрания правительства, а, скорее, формулирование его целей. Тут дело в традиции, уходящей глубоко в историю Запада и предполагающей защиту автономии и достоинства индивида от насилия, откуда бы оно ни исходило – от государства, церкви или общества. В данном термине объединены две тесно взаимосвязанные идеи. Прежде всего речь идет о либерализме*, который опирается на направление в философии, восходящее к грекам и римлянам и подчеркивающее значимость личной свободы. Но этот либерализм является конституционным, так как помещает в центр политической жизни верховенство закона. Конституционный либерализм получил развитие в Западной Европе и Соединенных Штатах Америки как средство защиты права индивида на жизнь, собственность, свободу слова и вероисповедания. Ради обеспечения таких прав конституционный либерализм подчеркивает необходимость установления сдержек

в отношении государственной власти, равенства всех перед законом, беспристрастности судов и трибуналов, а также отделения церкви от государства. Почти во всех своих вариациях конституционный либерализм настаивает, что у людей есть определенные естественные (или «неотъемлемые») права и что в целях обеспечения таких прав правительства должны принимать базовый закон, устанавливающий пределы их собственных полномочий. Так, в 1215 году на Руннимедском лугу английские бароны вынудили короля ограничить свою власть. В американских колониях подобные обычаи получили наиболее отчетливое выражение, и в 1638 году в городе Хартфорде была принята первая в современной истории писаная конституция. В 1789 году американская конституция создала формальные основания для появления новой страны. В 1975 году государства Запада установили стандарты поведения даже для недемократических режимов. Великая хартия вольностей, Фундаментальный статут Коннектикута, американская конституция и Хельсинкский заключительный акт – все это воплощение конституционного либерализма.

После 1945 года западные правительства, по большому счету, объединили и демократию, и конституционный либерализм. Поэтому данные понятия трудно представить себе в отрыве друг от друга, будь то в форме антилиберальной демократии или либеральной автократии. На деле и то, и другое существовало в прошлом и сохраняется в настоящем. До XX века большинство стран Западной Европы были либеральными автократиями или, в лучшем случае, полудемократиями. Право голоса жестко ограничивалось, а выборные законодательные органы имели урезанные полномочия. В 1830 году в одной из наиболее демократичных европейских стран – Великобритании – всего 2 процентам населения дозволялось голосовать на выборах, и то лишь в одну из палат Парламента. Только к концу 1940-х годов большинство западных стран стали полноценными демократиями со всеобщим избирательным правом для взрослого населения. Однако еще за сотню лет до этого, к концу 1840-х годов, большинство из них усвоили важные аспекты конституционного либерализма – верховенство закона, права частной собственности и, во все боль-

* Я использую понятие «либеральный» в значении, относящемся к XIX веку и подразумевающим заботу об экономической, политической и религиозной свободе индивида (что иногда именуют «классическим либерализмом»), а не в современном американском понимании, связывающем либерализм с государством благосостояния, «утверждающими» действиями и другими политическими установками.

шей мере, разделение властей, а также свободу слова и собраний. На протяжении большей части современной истории власть в Европе и Северной Америке характеризовалась и отличалась от других правительств в мире не демократичностью, а конституционным либерализмом. «Западную модель управления» точнее всего символизирует не массовый плебисцит, а беспристрастность суда.

Многие десятилетия крошечный Гонконг служил маленькой, но показательной иллюстрацией к тому, что свобода не зависит от демократии. Там был достигнут чрезвычайно высокий уровень конституционного либерализма, но вовсе не было демократии. В 1990-е годы, по мере приближения срока передачи Гонконга Китаю, во многих западных газетах и журналах выражалось беспокойство по поводу опасности подобного события для демократии в Гонконге. Но на самом деле речь шла об угрозе традициям свободы и законности, а не демократии. Мы продолжаем путать эти два понятия. Американские и израильские политики часто попрекали палестинскую администрацию за отсутствие демократии. Однако по сути дела Ясир Арафат является единственным лидером во всем арабском мире, избранным в ходе вполне свободных выборов. Проблема палестинской автономии связана не с демократией (хотя она там глубоко несовершенна и половинчата, но все же действует), а с конституционным либерализмом, точнее – отсутствием такового.

Американцам особенно трудно уловить противоречие между демократией и свободой, поскольку оно не сильно сказалось на истории США – за одним большим исключением. Рабство и сегрегация были укоренены на американском Юге посредством демократической системы. С момента установления в Америке республиканского правления все, кто питал отвращение к рабству, сталкивались с той проблемой, что на Юге большинство избирателей отчаянно его защищали. Рабству пришел конец не потому, что против него проголосовали, а потому, что вооруженные силы Севера нанесли поражение Югу. И пришедшая впоследствии на смену рабству «система Джима Кроу» на Юге была разрушена в 1950–1960-е годы не благодаря, а вопреки демократии. Хотя заключитель-

ный акт освобождения негров, Билль о гражданских правах от 1964 года, был утвержден Конгрессом, все предшествовавшие ему шаги делались на основе декретов исполнительной власти (как в случае с десегрегацией в армии) или предписаний Верховного суда (как в случае с десегрегацией в школах). В величайшей американской трагедии свобода и демократия часто бывали не в ладах друг с другом.

Американская модель

В 1990-е годы некий американский ученый оказался в Казахстане с миссией, спонсированной правительством США и имевшей целью помочь молодому парламенту этой страны разработать национальные избирательные законы. Общавшийся с ним высокопоставленный казахстанский парламентарий отменил многочисленные варианты, предложенные американским специалистом, настойчиво заявляя: «Нам нужно, чтобы наш парламент стал точной копией вашего Конгресса». Американец с ужасом вспоминал впоследствии: «Я пытался сказать что-нибудь иное, а не те слова, которые немедленно пришли мне на ум: “Ни в коем случае!”». Подобное мнение – не редкость. Многие американцы, профессионально занимающиеся вопросами демократии, считают собственную государственную систему слишком громоздким механизмом, который ни одной другой стране не следует брать за образец. На самом же деле базовая идея американской конституции, а именно – опасение чрезмерного сосредоточения власти в одних руках, столь же актуальна сегодня, как и в 1789 году. Ситуация в Казахстане такова, что здесь как раз был бы уместен сильный парламент, подобный Конгрессу США, чтобы сдерживать властные аппетиты местного президента.

Странно, что Соединенные Штаты столь часто выступают за неограниченную демократию за рубежом. Американская система характеризуется не демократичностью, а именно недемократичностью, поскольку в ней существуют разнообразные ограничения прав большинства избирателей. Ведь Билль о правах является, по сути дела, перечислением того, чего правительству делать нельзя, каковы бы ни были пожелания боль-

шинства населения. Важнейшую из трех ветвей власти в Америке представляет Верховный суд, состоящий из девяти назначенных судей, пребывающих в своей должности пожизненно. Сенат США – самая непредставительная верхняя палата парламента в мире, если не считать британской Палаты лордов, не обладающей серьезными полномочиями и находящейся на пороге реорганизации. Каждый американский штат, вне зависимости от численности населения, направляет в Вашингтон двух сенаторов. Таким образом, 30 миллионов жителей Калифорнии имеют в Сенате такое же представительство, как и 3,7 миллиона жителей Аризоны; это никак не соответствует [демократическому] принципу «один человек – один голос»*. Что касается законодательных органов штатов и местных легислатур, поразительной особенностью США является не полномочия партии, за которую проголосовало большинство избирателей, а защита прав партий и даже отдельных законодателей, представляющих меньшинство. Частные фирмы и другие неправительственные группы (то, что Алексис де Токвиль называл «посредничающими ассоциациями») составляют решающий элемент общественного устройства. Плотность ткани гражданского общества предопределила характер американской демократии.

Между тем эта ткань истончается, что ведет к появлению в Соединенных Штатах своей версии нелиберальной демократии. Проблемы Америки отличны от того, с чем сталкиваются страны «третьего мира», и не столь остры. Но сходство есть. В Америке надежно обеспечиваются законность и права граждан. Однако постепенно исчезают некоторые неформальные ограничения, составляющие внутреннее наполнение либеральной демократии. Многие из общественных и политических институтов – партии, профессиональные объединения, клубы и ассоциации – имеют недемократическую структуру. Все они опасаются демократической идеологии, определяю-

* Данный аспект американской демократии привел, по преимуществу, к удручающим результатам, обеспечив малым штатам с немногочисленным населением непропорциональное политическое влияние и крупные субсидии. И все же американская демократия серьезно выигрывает от большинства своих «недемократических» особенностей.

щей ценностью идей и институтов исходя из единственного простого критерия: максимально возможного рассредоточения власти. Иными словами, подразумевается ли подлинная демократия? Будучи по определению демократическим органом, Конгресс США в прежние времена функционировал в иерархической и закрытой манере, несколько дистанцируясь от публичной сферы. Теперь он транспарентен, полностью открыт для выражения мнений и влияния со стороны избирателей. Конгресс превратился в более чуткий и демократичный орган, но стал менее дееспособным.

Или возьмем американские политические партии, сегодня являющиеся организациями, устроенными по подобию потемкинских деревень. Партии больше не выполняют своей исторической роли по селекции политиков и третьейскому арбитражу в рамках избирательного процесса. В условиях доминирования предварительных выборов (праймериз) и опросов общественного мнения партии в США представляют собой попросту оболочку, наполняемую в соответствии с текущими предпочтениями общества – неоллиберальными, консервативными или любыми другими. Посмотрим также на американскую профессиональную элиту, в частности на юристов. Некогда они были своего рода местной аристократией, поскольку несли определенные обязательства и ответственность по отношению к городам и населенным пунктам, в которых жили и работали. Теперь юристы утратили свой престиж и общественное предназначение, превратившись в бесцеремонных дельцов. Медицина, бухгалтерский учет и банковское дело пошли тем же путем. Силы, направлявшие развитие демократии в Америке, подвергаются ускоренной эрозии.

Им на смену пришли опросы общественного мнения. Когда историки станут писать о нашем времени, они наверняка будут потрясены непрерывным измерением «пульса» населения страны. Политики, корпорации и журналисты тратят массу времени, денег и сил, пытаясь спрогнозировать точку зрения общественности буквально на все, начиная с социального страхования и заканчивая вопросами загробной жизни или отношения к газированным напиткам. Фактически, идет своего рода гонка ради того, чтобы первым угодить мнению публики. Те,

кто проводит опросы общественного мнения, стали нашими современными предсказателями; они истолковывают результаты опросов с той же напыщенностью, с какой их предшественники гадали на куриных потрохах. Социологические опросы, как и куриные потроха, часто дают неопределенные результаты, а время от времени сами люди меняют точку зрения. Тогда начинается суетливая, как среди леммингов, беготня за новым мнением народа. Например, бизнесменов, которых в 2000 году восхваляли за гениальность, в 2002 году стали изображать мошенниками. Ньют Гингрич, инициатор внушительной победы [республиканцев] на выборах в Конгресс в 1994 году, спустя всего год в глазах публики превратился в неуклюжего экстремиста. В период президентства Билла Клинтона его имидж менялся почти еженедельно в диапазоне от подлеца до политической легенды. Во всем этом «катании на горках» постоянен только ритуал воздания почестей американскому народу. «Американский народ не глуп», – без конца повторяют политики, даже когда им приходится комментировать настойчивое стремление публики к снижению налогов при одновременном повышении государственных выплат. «Американский народ желает знать», – говорит некий политик, хотя на самом деле именно он, и, возможно, никто больше, хочет задать тот или иной вопрос. «Мы услышали от народа Америки», – декларирует третий, будто объявляет о божественном откровении. Любое банальное утверждение обретает сегодня силу библейской заповеди, когда его приписывают американскому народу*.

Свобода и ограничения

Вместе с тем, народ ощущает наличие проблемы. Сейчас американцы с меньшим почтением относятся к своей полити-

* Как и в связи со всеми наблюдениями по поводу Америки, де Токвиль сказал об этом первым и лучше других: «Французы при прежней монархии считали само собой разумеющимся, что король не может поступать дурно, – писал он. – Но если он все же поступал дурно, то вину за это возлагали на его советников... Американцы придерживаются такого же взгляда по отношению к большинству». В сходном духе Майкл Кинсли собрал тексты своих колонок в журнале «Нью рипаблик» в книгу с предостерегающим заглавием, назвав американский народ «Большими младенцами».

ческой системе, чем когда-либо в прошлом. В этом они не одиноки. В большинстве западных стран налицо столь же невысокое по историческим меркам мнение населения о своих политиках. По сути дела, нынешний подъем во всех европейских странах популизма, направленного против существующего истеблишмента, показывает, что подобные чувства уже весьма сильны. Нарастание разочарования и раздражения по поводу существующих политических систем совпало с нелегкими временами. Западные демократии проходят тест на прочность, столкнувшись с такими фундаментальными новыми вызовами, как терроризм, демографические подвижки, иммиграция и столкновение культур. Правительствам приходится защищать общества от ранее неизвестных угроз, перекраивать государство благосостояния и поощрять иммиграцию, стараясь не вызвать при этом войны между культурами. Это трудная задача для любого периода, однако политическая система никогда не была столь же неработоспособной, как сейчас. Бесконечная кампанейщина и посредничество, добывание средств для партийных фондов, отстаивание особых интересов и лоббирование (что особенно развито в Америке) – все это привело к дискредитации в глазах общества всей политики, поэтому показатели явки избирателей на участки для голосования удручающе низки. Западная демократия остается примером для остальных стран. Однако не получится ли так, как происходит со вспышкой сверхновой звезды в отдаленных космических мирах: в момент своей наивысшей славы демократия окажется пустышкой?

Многие верят в обратное, а именно в то, что растущая демократизация всех сфер общественной жизни представляет собой безоговорочное благо. Результатами распада старых систем, получения доступа к информации и наделения властью рядового обывателя якобы станут всевозрастающие личная свобода и благоденствие. В конце бурных 1990-х годов консалтинговая фирма «Аксенчер» публиковала рекламные объявления, расхваливавшие ее прозорливый анализ. Одно из них представляло собой пародию на газетный заголовок, гласивший: «Интернет принесет демократию в Китай», – вслед за чем шел фирменный рефрен: «Теперь это становится инте-

ресным». Хотя пик «эры dot.com» уже пройден, энтузиасты информационно-компьютерных технологий подчеркивают, что интернет еще находится в младенческом возрасте, но впоследствии принесет демократию в Китай, процветание в Индию, а также сделает всех нас своими собственными банкирами, адвокатами, редакторами и даже законодателями. Последняя тенденция уже просматривается в таких штатах, как Калифорния, где активно развивается управление на основе референдумов. Прочие штаты следуют тем же путем. Возможно ли в таких условиях высказываться против усиления демократии?

Но что если свобода рождается не из хаоса, а из некоторой упорядоченности, то есть обеспечивается не неограниченной прямой демократией, а регулируемой представительной демократией? Ведь в большинстве сфер жизни людям нужны указания и ограничители. И как быть, коль скоро свобода в полной мере гарантируется только в том случае, когда подобные рамки достаточно прочны? Как бы то ни было, именно эта альтернативная теория породила современную либеральную демократию. Существующая на Западе демократия всегда была тем, что Аристотель называл «смешанным режимом». Ей присуще выборное правительство, но в ней также есть конституционные законы и права, независимая судебная власть, сильные политические партии, церкви, фирмы, частные ассоциации и профессиональные сообщества. Политическая демократия была существенным, фактически ключевым элементом всего общества, а власть, в конечном счете, принадлежала народу. Однако эта система была сложной и состояла из множества частей, не все из которых зависели от выборов. На практике задачей многих из ее недемократических институтов и групп было смягчение публичных страстей, обучение граждан, руководство демократией и тем самым гарантирование свободы. Когда в Гарвардской школе права вручают дипломы выпускникам, им напоминают, что о праве нужно думать как о «мудрых ограничениях, делающих людей свободными». Национальный гимн «Прекрасная Америка» провозглашает: «Америка, Америка! / Бог создал тебя без изъяна / Пусть же укрепится твой дух / Свобода – это законность».

Моя книга призывает к такому самоконтролю и восстановлению баланса между демократией и свободой. Это не выступление против демократии, а предупреждение, что возможен избыток столь превосходного блага, как демократия. Суть либеральной демократической политики состоит в построении насыщенного и комплексного общественного порядка, а не такого, где доминировала бы всего одна идея. Так, отцы-основатели Америки стремились создать подобное плюралистическое общество во времена, когда многие еще верили, что над обществами должна господствовать единая религиозная идеология. Демократия – тоже единая идеология; как и у всех подобных моделей, у нее есть свои пределы. То, что действительно в законодательной сфере, может не сработать внутри корпорации.

Предпринять реставрацию [политической системы] – не значит стремиться к возвращению прежнего порядка. Мы довольны происшедшими демократическими переменами и ценим их. Нам нужна не такая либеральная демократия, которая существовала в XIX веке, а такая, какой она должна быть в XXI столетии. Демократическим обществам требуются новые амортизаторы и ориентиры, соответствующие современным проблемам и вызовам времени. Их поиск следует предварить обращением к истории борьбы за свободу и демократию, начавшейся на Западе и затем распространившейся в остальных частях света. Если мы намерены отправиться в долгий поход во имя жизни, свободы и благоденствия, надо помнить о тех силах, которые обеспечивали их раньше. Только осознав прошлое, мы сможем гарантировать свободу в будущем.

1

Краткая история человеческой свободы

Все началось тогда, когда император Константин решил переехать. В 324 году от Рождества Христова глава величайшей империи в мире отправился на Восток. Он переместил свою столицу из Рима в Византий – старинное греческое поселение, находившееся у выхода из Босфора в Черное море и тотчас переименованное им в Константинополь. Зачем же нужно было покидать Рим – легендарный имперский центр? Константин объяснял, что сделал это «по велению Господа». С такого рода логикой спорить трудно, однако тщеславие и амбиции наверняка тоже сыграли свою роль. Константин отчаянно стремился оставить после себя великое наследие: если не победоносная война, то какой еще способ лучше, чем воздвигнуть новую столицу? Такой ход был выигрышным и в политическом плане. Константинополь находился ближе к крупным культурным и экономическим центрам того времени, таким как Афины, Салоники и Антиохия (Рим тогда уже считался захолустьем). Кроме того, стратегически Константинополь был более удачным пунктом для защиты империи от врагов, главным образом – германских племен и персидских армий. Так в IV веке нашей эры эпицентр исторических событий оказался на Востоке.

Императоры не путешествуют налегке, и Константин не был исключением. Он переместил не только столицу, но и десятки тысяч ее обитателей. Он реквизирует огромные запасы продовольствия и вина в Египте, Малой Азии и Сирии, чтобы накормить своих людей. Он рассылал по всей империи своих приспешников, чтобы те привозили в «новый Рим» произведения искусства. Мародерство приобрело такие масшта-

бы, что историк Якоб Буркхардт описал его, как «самые постыдный и грандиозный грабеж художественных произведений за всю историю... совершенный ради украшения [Константинополя]»¹. Сенаторов и другую знать всячески подталкивали к переезду. В новом городе их ждали точные копии их прежних домов. Однако, взяв с собой большую часть своего двора, Константин все же оставил на старом месте одного человека – римского епископа. Происшедшее тогда отделение церкви от государства имело историческое значение и впоследствии сыграло для человечества судьбоносную, причем благотворную, роль.

Христианство превратилось в децентрализованную религию, объединявшую несколько самоуправляемых церквей. Хотя римский епископ номинально имел старшинство (ведь первым этот пост занимал Петр, один из четырех апостолов Христа), Рим теперь находился в отдалении от столицы империи. Другие влиятельные священнослужители, такие как епископ Константинополя и епископы близлежащих Антиохии, Иерусалима и Александрии, отныне жили в тени императора и быстро стали придатками государственной власти. Римская же церковь находилась вдали от дворцовой власти и интриг; она процветала и укрепляла свою независимость, что, в конце концов, позволило ей претендовать на мантию духовного папства христианских народов. По замечанию крупного британского специалиста по античности Эрнста Баркера, в результате такого разделения в Восточной империи (Византии) утвердилась власть государства, а в Западной империи (Риме) – суверенитет религии. Если быть более точным, на Западе власть стала предметом спора; в течение 1500 лет после осуществления Константином переезда европейская история характеризовалась постоянными раздорами между церковью и государством. Из искр, высеченных в таких схватках, и возгорелось пламя человеческой свободы.

Свобода старая и новая

Очевидно, было бы чрезмерным упрощением выделять одно-единственное событие, чтобы отметить истоки сложно-

го исторического явления – в данном случае развития человеческой свободы. Однако любая история должна с чего-то начинаться. С моей точки зрения, подъем христианской церкви – первейший источник свободы на Западе, а значит и в мире. Этот факт определяет стержневой тезис настоящей главы, а именно – свобода появилась на Западе гораздо раньше, чем демократия; именно свобода привела к возникновению демократии, а не наоборот. Он также высвечивает парадокс, постоянно отмечаемый в моем анализе: каковы бы ни были самые глубинные предпосылки свободы, на Западе она родилась в ходе борьбы за власть. Западный образ жизни воплотил в себе результаты целого ряда противостояний – между церковью и государством, землевладельцами и королем, протестантами и католиками, предпринимателями и государством. Нарастало давление в пользу свободы личности, что было особенно характерно для Англии, а впоследствии – для Соединенных Штатов.

Кто-то может не согласиться с таким пониманием роли христианской церкви, опрометчиво указывая на древнюю Грецию как питомник свободы. Нам напомнят известную надгробную речь Перикла, произнесенную им в 431 году до нашей эры и посвященную свободе, демократии и равенству. В ней была нарисована полная событий картина Афин того времени. В течение большей части XIX столетия в университетах Великобритании и Германии учили, что человеческое совершенство достигло наивысшего расцвета в городах-государствах Греции приблизительно в V столетии до Рождества Христова. (В Оксфорде и Кембридже историю древней Греции и Рима по сию пору называют «классической».) Однако викторианское увлечение Грецией отчасти питалось иллюзиями. Древняя Греция являла собой великую культуру, богатую философскими, научными и литературными плодами. Она была родиной демократии и некоторых связанных с нею идей, но на практике их применяли только в нескольких малых городах-государствах в течение не более чем сотни лет; всему этому пришел конец после захвата Афин македонянами в 338 году до нашей эры. Древнегреческий эксперимент стал вдохновлять приверженцев демократии более чем тысячелетие спус-

тя. Однако в многовековом периоде истории, отделяющем нас от него, нет никаких следов материального или институционального влияния античной демократии на политический процесс в Европе.

По сути дела, Греция не была родиной свободы в ее сегодняшнем понимании. В современном мире свобода – это прежде всего свобода индивида от произвола власти, что на протяжении большей части истории означало свободу от грубой силы государства. Она подразумевает некоторые фундаментальные права человека: свободу самовыражения, ассоциаций, вероисповедания, а также право на защиту со стороны закона. Между тем, как считал философ эпохи Просвещения Бенжамен Констан, в древности свобода означала нечто иное, а именно – то, что каждый (а на деле – лишь гражданин мужского пола) имел право участвовать в управлении общиной. Обычно все граждане заседали в законодательном органе, а если это было трудно осуществить на практике, члены законодательного органа избирались при помощи лотереи (как сейчас избирают членов суда присяжных в Америке). В древней Греции народные ассамблеи имели неограниченные полномочия. Права индивида не считались священными в теории и не защищались на практике. По выражению Констан, греческая демократия в большинстве случаев подразумевала «подчинение индивида власти общины»². Вспомним, что в IV веке до нашей эры в Афинах (где, как считается, греческая демократия нашла свое наиболее полное воплощение) народная ассамблея путем демократического голосования приговорила к смерти величайшего философа той эпохи за его учение. Казнь Сократа была актом демократическим, но никак не либеральным.

Если греческим корням западной свободы часто придается чрезмерное значение, то об ее римских корнях обыкновенно забывают. Когда Геродот писал, что греки были «свободным народом», он имел в виду, что они не были рабами вследствие иностранного завоевания или господства. Подобную идею мы сегодня назвали бы «национальной независимостью» или «самоопределением» (согласно такому определению, сейчас свободой обладают даже жители Северной Кореи).

Римляне же подчеркивали иной аспект свободы, а именно – то, что все граждане равны перед законом. Это гораздо ближе современному западному пониманию свободы, а от обозначающего ее латинского слова *libertas* и происходит соответствующий западный термин. Если Греция дала миру философию, литературу, поэзию и искусство, то Рим подарил ему зачатки установления пределов полномочий правительства и верховенства закона. Римская республика с ее разделением властей на три ветви, избранием официальных лиц на ограниченный срок и упором на всеобщее равенство перед законом с тех пор стала образцом государственного устройства, причем наиболее сознательно на него ориентировались при основании Американской республики. По сей день в западном мире повсеместно продолжают жить римские политические концепции и термины: сенат, республика, конституция, префектура. Законодательство на Западе столь наполнено римским наследием, что вплоть до начала XX столетия юристам было нужно хорошо знать латинский язык. Большая часть существующего в мире договорного права, законов о собственности, исполнении долговых обязательств, диффамации, наследовании, владении имуществом, а также правила судопроизводства и дачи свидетельских показаний представляют собой вариации на римские темы. С точки зрения Герберта Асквита – талантливого исследователя-любителя классических языков и литературы, ставшего премьер-министром Великобритании, – величайший дар Рима потомкам состоял в том, что «была основана, получила развитие и систематизацию мировая юриспруденция»³.

Однако в римском праве оставалась зияющая прореха: оно не применялось в отношении правящего класса, в особенности после того, как к I столетию до нашей эры республика выродилась в монархию. Такие императоры, как Нерон, Вителлий и Гальба, нередко приговаривали людей к смерти без судебного разбирательства, грабили частные дома и храмы, а также насиловали и убивали своих подданных. Калигула, как известно, назначил своего коня членом сената. Данный акт нарушил неписаные правила этого некогда всемогущего органа власти. В обстановке упадка империи стали гибнуть правовые традиции, тщательно выстраивавшиеся в республиканские

годы Рима. Урок его падения заключается в том, что для сохранения верховенства закона требуется большее, нежели добрые намерения правителей, поскольку могут перемениться как намерения, так и правители. Обществу нужны институты, сила которых не зависит от государства. Запад нашел такую уравновешивающую силу в католической церкви.

Парадокс католицизма

Самым непосредственным наследием Рима стала Римско-католическая церковь, которую английский философ Томас Гоббс называл «призраком умершей Римской империи, в короне восседающим на [ее] могиле»⁴. Культура Рима трансформировалась в культуру католицизма. Через посредство церкви передавались бесчисленные традиции и идеи, а также, конечно, латинский язык, который дал образованным людям всей Европы средство общения и тем самым укрепил в них чувство принадлежности к единому сообществу. По сей день идеи и структура католической церкви – учение о спасении души, иерархия, кодексы и законы – имеют сильное сходство с тем, что существовало в Римской империи.

Может показаться странным, что история свободы началась именно с католической церкви. Как институт она никогда не выступала за свободу мысли и вплоть до недавнего времени даже противилась разнообразию верований. В средние века, когда церковь стала всемогущей, она была крайне нетерпима и деспотична, настаивала на своих догматах и беспрекословном подчинении им, прибегая к весьма омерзительным средствам для подавления инакомыслия (вспомним испанскую инквизицию). Ее устройство по сей день остается строго иерархическим и авторитарным. Церковь никогда не считала своей задачей обеспечение свободы личности. Однако с самого начала она упорно противостояла мощи государства, тем самым налагая ограничения на власть монарха. Она контролировала исключительно важные социальные институты: брак и ритуалы, связанные с рождением и смертью человека. Церковное имущество и священники не подлежали налогообложению. Этот факт не назовешь малозначительным, учитывая, что в

период своего наивысшего влияния церковь владела одной третьей земель в Европе. Исторически, католическая церковь была первым из главных общественных институтов, не зависевшим от мирской власти и оспаривавшим ее. Тем самым она расколола здание государственного всевластия; в его закоулках и трещинах пробилась ростки свободы личности.

Противостояние между церковью и государством началось уже спустя 50 лет после осуществленного императором Константином переноса столицы. Один из преемников Константина – император Феодосий, вступив в ожесточенную распрю с одним из греческих племен – фессалонянами, пригласил все племя в Милан и организовал там чудовищную бойню своих гостей: мужчин, женщин и детей. Архиепископ Милана – благочестивый священник Амвросий – был так потрясен этим злодеянием, что публично отказался причастить императора. Феодосий запротестовал, обратившись за помощью к Библии. По его словам, он действительно был виновен в смертоубийстве, но ведь и один из героических библейских королей Давид не только убивал, но также прелюбодействовал! Как хорошо известно из рассказа английского историка Эдуарда Гиббона, архиепископ не уступил и с гневом отвечал: «Ты подражал Давиду в его преступлении, так повтори же за ним его раскаяние»⁵. К крайнему изумлению всех окружающих, в течение последующих восьми месяцев император, самый влиятельный человек в мире, периодически наряжался в рубище (как это делал Давид в библейском сюжете) и стоял у Миланского собора, испрашивая прощения у архиепископа.

По мере упадка Восточной Римской империи росли авторитет и независимость епископа Рима. Он стал первым среди кардиналов и получил имя *Il Papa* – «святой отец». В 800 году Папу Льва III принудили короновать франкского правителя Карла Великого Римским императором. Тем самым было положено начало традиции инвеституры, в соответствии с которой церковь должна была благословлять каждого нового короля, придавая его правлению легитимность. К XII столетию власть Папы возросла, и он превратился в основного игрока в сложных политических играх в Европе. Папство обладало

властью, легитимностью, деньгами и даже войсками. В 1077 году оно выиграло еще одну символическую битву, когда император Священной Римской империи Генрих IV попытался помешать Папе Григорию VII расширить права инвеституры. Как гласит легенда, проигравшему в этой схватке Генриху пришлось стоять босиком на снегу у замка Каносса, чтобы добиться прощения святого отца. Правдива эта история или нет, но к XII веку по влиянию и помпезности Папа безусловно стал ровней любому из европейских королей, а Ватикан стал соперничать с ведущими королевскими дворами континента.

География свободы

На Западе церковь приобрела всевластие по одной простой причине: после распада Римской империи она больше не имела дел с единым правителем Европы. Католическая церковь получила возможность стравливать европейских королей между собой, а сама завоевала право решающего голоса в их борьбе за власть. Если бы на континенте появился единый монарх, он смог бы подавить независимость церкви и превратить ее в служанку государственной власти. Именно так произошло с Греческой, а позднее – и с Русской православной церквями (а фактически и с большинством религий мира). Однако ни один правитель так и не смог завоевать всю Европу или хотя бы ее большую часть. За тысячелетие сделать это попытались только Карл Великий, Карл V, Наполеон, кайзер Вильгельм и Гитлер. Все они потерпели поражение, причем в большинстве случаев весьма быстро.

Как все это объяснить? Возможно, свою роль сыграли горы и реки. Европа изрезана барьерами, разделяющими ее плоскогорья на речные долины, окаймленные грядами гор. Европейские реки несут свои воды в уединенные и пригодные для навигации заливы, расположенные вдоль продолжительной и извилистой береговой линии Средиземноморья. Вот почему в Европе мелкие регионы способны жить самостоятельно и даже преуспевать. Вот чем объясняется длительная история существования здесь множества независимых стран. Их труд-

но завоевать, зато там легко возделывать земли, а реки и моря обеспечивают готовые торговые пути. В отличие от Европы, в Азии много обширных плоских поверхностей (таких как российские степи и китайские равнины), по которым могут беспрепятственно маршировать армии. Неудивительно, что в этих регионах мира тысячелетиями существовали централизованные империи*.

Топография Европы сделала возможным появление разных по величине сообществ – городов-государств, герцогств, республик, стран и империй. В 1500 году в Европе было более 500 государств, многие из которых не превышали по размеру крупного города. Такое разнообразие имело два замечательных последствия. Во-первых, оно допускало множественность. Люди, идеи, искусства и даже технологии, которые не прижились или остались незамеченными в одном месте, зачастую расцветали в другом. Во-вторых, разнородность разжигала постоянную конкуренцию между государствами, что подталкивало к нововведениям и повышению эффективности политической организации, военной техники и экономической политики. Успешные практики копировались, а не оправдавшие себя – отбрасывались. Поразительный экономический и политический успех Европы (исследователь экономической истории Эрик Джонс называл это «европейским чудом») вполне вероятно является результатом ее причудливой географии⁶.

Феодалы и короли

География и история вместе способствовали формированию политической структуры Европы. Гибель Римской империи и отсталость уничтоживших ее германских племен привели к децентрализации власти на континенте; ни один

* В Африке география особенно неблагоприятна. Несмотря на то, что это второй по величине континент мира, у него самая короткая береговая линия, причем значительная часть прибрежных вод слишком мелка для размещения портов. Поэтому исторически там не получила развития торговля. Африканские реки несудоходны, поскольку слишком маловодны, а в глубоких местах изрезаны порогами и водопадами (в данном случае впечатляющие пейзажи губительны для коммерции). Добавим к этому тропическую жару и сопровождающие ее болезни – и мы получим печальное объяснение причин отсталости Африки.

правитель не располагал административными возможностями, чтобы справиться с широко раскинувшимся королевством, включавшим в себя такое множество независимых племен. По контрасту с подобной картиной, в лучшую свою пору Минская империя и династия Маньчжу в Китае, Индия периода Великих Моголов и Османская империя контролировали обширные земли и многие народы. Между тем в Европе местные землевладельцы и племенные вожди управляли своими территориями и развивали тесные связи с вассалами. Отличительной чертой феодализма в Европе было то, что здесь класс крупных землевладельцев обладал независимостью. Начиная со средневековья и вплоть до XVII столетия европейские суверены по большей части выступали лишь номинальными правителями своих королевств. Например, в Бретани короля Франции считали не более чем герцогом, и его власть в этом регионе в течение сотен лет оставалась ограниченной. На практике в случае, когда монархи желали что-то совершить – начать войну, построить крепость, – им приходилось занимать деньги и войска у местных вождей, которые постепенно становились графами, виконтами и баронами.

Так землевладельческая элита Европы превратилась в аристократию, наделенную властью, деньгами и легитимностью. Этим она сильно отличалась от униженной и зависимой придворной знати в других частях света. Столь близкие к равенству отношения между феодалами и королями существенно повлияли на развитие свободы в Европе. Как писал крупный исследователь истории либерализма Гвидо де Руджеро, «без действительного сопротивления определенных привилегированных классов монархия могла бы создать только народ рабов»⁷. Действительно, в большей части остального мира монархии привели именно к этому. Кроме того, в Европе в средние века аристократия требовала, чтобы короли гарантировали ей определенные права, нарушать которые не дозволялось даже коронованным особам. Кроме того, аристократы учредили представительные органы – парламенты, генеральные штаты, конгрессы, чтобы их требования постоянно озвучивались. В этих средневековых сделках были заложены основы того, что сегодня мы именуем «верховенством закона».

Подобные права опирались на римские традиции, а их защита и укрепление обеспечивались силой дворянства. Как и в случае отношений между церковью и государством, в европейской истории конфликт между аристократией и монархией стал еще одним великим противостоянием в борьбе за власть, что помогло возникновению, причем опять-таки естественным путем, исходных предпосылок свободы.

В Европе наибольшей независимостью отличалась английская аристократия. Феодалы жили в своих поместьях, управляя их обитателями и обеспечивая им защиту. Взамен они взимали налоги, обеспечивавшие им могущество и богатство. По словам одного ученого, это была «работающая аристократия»: она поддерживала свое положение не изощренными придворными ритуалами, а принимая участие в политике и управлении на всех уровнях⁸. Короли Англии, укрепившие свою власть раньше, чем это сделало большинство королей на континенте, понимали, что их владычество зависит от привлечения на свою сторону аристократии – или, по крайней мере, некоторой ее части. Когда монархи переоценивали свои возможности, это вызывало недовольство со стороны баронов. Взойдя на престол в 1154 году, Генрих II решил распространить свое господство, разослав повсюду судей, проводивших в жизнь королевские указы. Он намеревался объединить страну и создать общее имперское право. Для этого ему требовалось лишить средневековую аристократию ее полномочий и особых привилегий. Его план сработал лишь до определенного момента. Вскоре дворяне восстали, взявшись за оружие. После окончания длившегося 40 лет конфликта сыну Генриха королю Иоанну в 1215 году пришлось подписать перемирие на лугу близ Виндзорского дворца. Этот документ, известный как Великая хартия вольностей, в то время считался грамотой, подтверждавшей привилегии феодальных лордов и подробно излагавшей их права. В него также входили положения, гарантировавшие свободу церкви и местную автономию городов. В общем смысле документ был направлен против подавления свободы любого из королевских подданных. Впоследствии английские судьи стали шире толковать данный документ, превратив его в подобие конституции, защищавшей

определенные права личности. Однако Великая хартия вольностей имела большое значение уже в момент своего появления, поскольку представляла собой первое писаное ограничение королевской власти в Европе. Как отметил историк Пол Джонсон, в таком качестве ее «справедливо определяют как первый из английских Статутов королевства^{*}. Можно сказать, что из нее проистекают английские, а вслед за ними и американские свободы»⁹.

Рим против Реформации

Вслед за борьбой церкви против государства и короля против землевладельцев следующая крупная схватка – между католиками и протестантами – оказалась в конечном итоге самой продолжительной и кровавой. Она также имела непреднамеренные, но революционные последствия для свободы. Как ни странно, ее зачинщиком был благочестивый немецкий монах, живший в маленьком захолустном городке Виттенберге. Это было в начале XVI века, когда в Европе уже распространилось серьезное недовольство папством, которое стало чересчур могущественным и коррумпированным. Наиболее скандальной практикой Рима была широкая распродажа индульгенций – папских письменных удостоверений, освобождавших их покупателя от грехов, причем даже еще не совершенных. Получаемые от этого средства расходовались на бесконечные церковные сумасбродства, сногшибательные даже на фоне помпезности эпохи барокко. Последним проектом стал величайший, самый грандиозный кафедральный собор, какой когда-либо видели люди: собор Святого Петра в Риме. Даже сегодня, проходя сквозь мраморные громады Ватикана и с изумлением взирая на позолоту, драгоценности, гобелены и фрески от стены до стены и от пола до потолка, легко представить себе праведный гнев Мартина Лютера.

Призывы к реформе звучали и до Лютера. Так, Эразм Роттердамский настаивал на упрощенной, лишенной излишеств форме богослужения. Однако еще никто не бросал пря-

^{*} Собрание английских законов, которые составляют неписаную конституцию страны.

мого вызова авторитету церкви. Лютер сделал это, выдвинул 95 убедительно аргументированных тезисов, которые он, как известно, прикрепил к двери замковой церкви в Виттенберге утром 31 октября 1517 года. На стороне Лютера была не только справедливость, но и везение. Его ересь появилась в благоприятный момент с точки зрения истории техники. К тому моменту, когда католическая церковь отреагировала на действия Лютера и строго-настрого запретила распространять его идеи, появившиеся печатные прессы уже обеспечили тиражирование его документа по всей Европе. Началась Реформация. Через полторы сотни кровавых лет почти половина Европы приняла протестантство.

Если бы Мартин Лютер познакомился с сегодняшним протестантизмом, с его облегченными доктринами, которые допускают многое и мало требуют, он, вероятно, пришел бы в ужас. Лютер не был либералом. Напротив, он обвинял Ватикан в чрезмерной небрежности в подходе к религии. Во многом он был тем, кого сегодня мы назвали бы ортодоксом, требующим буквального следования Библии. Критика Лютером папства весьма схожа с тем, как сегодня исламские фундаменталисты критикуют развращенные, расточительные режимы Ближнего Востока, отклонившиеся от верного, благочестивого пути. Лютер атаковал Папу с позиций консервативного крыла теологического спектра. Кое-кто не без оснований считает, что столкновение католицизма и протестантизма иллюстрирует собою старинную максиму, согласно которой религиозная свобода – равнодействующая двух в равной мере злокачественных фанатизмов, каждый из которых сводит на нет другой.

Большинство сект, возникших в результате Реформации, отличались даже большим пуританством, чем лютеранство. Наиболее влиятельным среди них было особенно суровое вероучение – кальвинизм, в котором постулировались безнадежная греховность человека и скромные шансы на спасение для всех, за исключением немногих избранных Господа. Тем не менее, различные протестантские группы сходились в отторжении авторитета папства и, как следствие этого, любой церковной иерархии. Все они внесли свой вклад в общую борьбу

против власти и стали (хотя самим им в свое время об этом и не было известно) частью более широкой истории свободы*.

При всех взаимных пререканиях небольшие протестантские группы Северной Европы открыли людям возможность поиска истины без посредничества церковников. Признавалось только то духовенство, которое избиралось самоуправляемой конгрегацией. Обычно составляя меньшинство в более крупных общинах, секты боролись за права всех меньшинств верить и проводить богослужение в соответствии с личным выбором. Совместными усилиями они создали простор для религиозной свободы в западном мире. Они помогли сформировать современные представления не только о свободе совести или слова, но и о критическом научном анализе (поначалу религиозных текстов, таких как Библия, а затем и любых приобретаемых знаний). В конце концов, наука представляет собой постоянный процесс оспаривания авторитетов и опровержения догм. В этом смысле современная наука оказывается в своеобразном долгу у религиозных фанатиков XVI века.

Прямым политическим следствием развития протестантизма стало то, что короли и князья получили оправдание для перехвата власти у чересчур чванливого Ватикана (к чему они и без того уже изыскивали возможности). Первый крупный удар [по институту папства] был нанесен не в связи с защитой протестантских идеалов, а по менее возвышенной причине: одному неугомонному монарху потребовался наследник. Генрих VIII Английский попросил Папу Кlementa VII аннулировать его брак с Екатериной Арагонской, так как та не родила наследника престола. (Причем, не потому, что не старалась: за восемь лет она родила дочь и пятерых мертвых младенцев, кроме того, у нее было два выкидыша.) Папа в просьбе отказал, и тогда король Генрих порвал с Ватиканом, провозгласив

* Приехав в Женеву, издавна считающуюся духовной родиной протестантизма, в ее самом большом общественном парке вы увидите мемориал Реформации. Построенный в 1909 году, он представляет собой огромную стену со скульптурами и барельефами, прославляющую наследие Реформации. Мемориал воздает честь всем некогда непримиримо враждовавшим основателям движения, включая Лютера, Джона Кальвина и даже Оливера Кромвеля и американских пуритан. Тот факт, что многие из подобных сект боролись друг с другом, забыт – что, вероятно, правильно.

главой англиканской церкви самого себя. У Генриха не было доктринальных расхождений с католической церковью. Фактически он как раз встал на сторону Папы против Лютера в своем эссе, за которое Ватикан отметил его как «защитника веры» (причем, как ни странно, преемники Генриха по церковной иерархии носят данный титул по сей день). Таким образом, обретшая независимость англиканская церковь оставалась католической по учению, если не считать малозначительного вопроса о роли Папы.

Разрыв Англии с Ватиканом стал первым и самым известным в ряду религиозных восстаний и войн против него, в которые оказались вовлечены практически все государства Европы. Так продолжалось почти 150 лет после осуществленного Лютером акта открытого неповиновения. Войны, вызванные Реформацией, закончились в 1648 году Вестфальским миром. Он положил конец Тридцатилетней войне на территории Германии и отдал кесарю кесарево, а сверх этого – значительную часть того, что прежде было богово (а по сути принадлежало Папе). Это привело к возрождению идеи 1555 года – *cuius regio eius religio* (кто правит, тот определяет и религию). В соответствии с ней, князья могли по своему усмотрению выбирать государственную религию; кроме того, открыто допускались религиозная терпимость и переход из одной веры в другую. 1648 год не является четкой датой разделения между церковью и государством, но символизирует важный сдвиг в западной истории. Вестфальский мир покончил с представлением, будто Европа – это одна большая христианская община или «христианский мир», в духовном смысле управляемый католической церковью, а в мирском – императором Священной Римской империи*. Будущее осталось за государством.

Просвещенное государство

К XVII веку реальный вызов власти государя стал исходить не от церкви, а от местных властей: князей, герцогов, ба-

ронов и графов. Но в течение этого столетия государь взял верх над своими соперниками. Он укрепил свой двор и создал центральную власть – государство, намного превосходившее по размерам владения тех, кто противостоял ему на местах. Государство восторжествовало по ряду причин: из-за изменений в технике, обострения военного соперничества, усиления националистических настроений и централизации взимания налогов. В числе последствий этого стоит отметить одно: упорочение государства негативно повлияло на свободу. Набрав власть, монархи закрыли большинство средневековых парламентов, палат, ассамблей и конгрессов. Когда во Франции весной 1789 года (то есть накануне революции) собрались Генеральные штаты, это была их первая сессия за 175 лет! Укрепив свое могущество, короли взялись за отмену многоступенчатой системы аристократических привилегий, региональных традиций и цеховых преимуществ, вводя взамен единые своды устанавливаемых ими законов. Важное исключение составил английский парламент, который в результате Славной революции 1688 года фактически вышел победителем в борьбе с монархией¹⁰.

На первый взгляд, ослабление аристократии может показаться победой идеи равенства всех перед законом; и в те времена дело представлялось именно так. Поскольку Европа XVII века была охвачена идеями Просвещения, такие философы, как Вольтер и Дидро, могли фантазировать по поводу «рационализации» и «модернизации» власти. Но на практике эта тенденция подразумевала нарастание мощи центрального правительства при одновременном ослаблении местной и региональной власти. «Просвещенный абсолютизм», как его называли позже, имел некоторые прогрессивные стороны. Такие правители, как Фридрих II в Пруссии, Екатерина II в России и Иосиф II в Австрии, терпимо относились к религиозному инакомыслию, осуществляли правовые реформы, щедро жаловали деньгами и вниманием художников, музыкантов и писателей (что, скорее всего, и объясняет благожелательные отзывы об этих правителях в литературе). Однако сдвиг в соотношении сил ослабил единственную общественную группу, которая могла противостоять королевской власти и произво-

* В исламе до сей поры существует идея всемирного сообщества верующих (*умма*). Однако мусульманского эквивалента католической церкви или Папы не существует (см. четвертую главу).

лу. Отныне свобода зависела от мудрости правителя. Попадая под внешнеполитическое или внутривластное давление, даже самый милостивый монарх – не говоря уж о его не столь достойных преемниках – отказывался от либерализации и подавлял инакомыслие. К концу XVIII столетия, когда покой в Европе нарушили войны, революции и внутренние восстания, просвещенный абсолютизм стал в большей мере абсолютистским, нежели просвещенным.

Во Франции монархия достигла своего апогея при Людовике XIV. Французский феодализм всегда отличался от английского. Зажатая между враждебными к ней соседями, Франция постоянно мобилизовывала силы для ведения войн, что требовало сильного центрального правительства (Людовик XIV вел войны в течение 30 из 54 лет своего правления). Монархия использовала геополитическую ситуацию, чтобы держать дворян подальше от источника их власти – земельных владений. Опираясь на фундамент, заложенный блестящим кардиналом Ришелье, Людовик XIV вытеснил дворянство из системы местного управления, посадив взамен своих региональных назначенцев. Он также урезал полномочия региональных советов и ассамблей. Людовика называли «Королем-солнцем» не из-за позолоченных дворцов, как часто полагают, а в силу его центрального положения в стране. Все остальные силы бледнели в сравнении с ним. Людовик XIV перевел французских аристократов на постоянное жительство в Париж, привлекая их соблазнами самого блестящего двора в Европе. Цель состояла в том, чтобы ослабить дворянство. Легендарные излишества французской монархии – нескончаемые игры, балы, охоты и дворцовые ритуалы, Версальское чудо – в определенном смысле были хитроумным политическим средством для того, чтобы держать землевладельцев в позолоченной клетке. Под роскошными шелками и напудренными париками французские аристократы становились бессильными и зависимыми¹¹.

Французская революция 1789 года перевернула в стране многое, но не центростремительные тенденции. По существу, она привела к еще большей централизации. В противоположность английской Славной революции 1688 года, укрепившей

положение аристократов-землевладельцев, французская революция их уничтожила. Кроме того, был нанесен удар по церкви; ослабло влияние местных феодалов, церковных приходов и банков. По наблюдению крупного ученого и политика XIX века лорда Актона, революция привела не столько к ограничению полномочий центрального правительства, сколько к разрушению всех других уровней власти, оказавшихся на ее пути. По его словам, французы позаимствовали у американцев «теорию революции, но не теорию правления – крой, но не шитье». На смену величию и бесконтрольности власти королей пришел суверенитет народа. Народ занял главенствующее положение, провозгласив своими целями «свободу, равенство, братство». Если раньше свобода зависела от милости короля, теперь она оказалась в зависимости от прихотей граждан, представляемых их революционными лидерами.

Однако существовала и иная модель свободы, причем увидеть ее смог только француз. Подобно многим просвещенным либералам XVIII века Шарль-Луи де Секонда, барон де Ла Бред и де Монтескье восхищался системой правления Великобритании. Однако Монтескье пошел дальше, определив, в чем именно состоит гениальность английской системы: она гарантировала свободу на деле, а не только провозглашала ее в теории. Поскольку власть была поделена между королем, аристократами (Палата лордов) и народом (Палата общин), ни одна из ее ветвей не могла чрезмерно усилиться. Подобное разделение властей гарантировало гражданские свободы и терпимость к религиозному инакомыслию. При этом Монтескье не была свойственна слепая вера в механику управления и конституционного устройства; его основная работа называлась «О духе законов».

Действительно, в течение столетий полномочия британской короны так истощались, что к концу XVIII века Великобритания, формально оставаясь монархией, фактически стала аристократической республикой, управляемой землевладельческой элитой. Лестная характеристика со стороны Монтескье сильно повлияла на самих британцев. Выдающийся английский юрист того времени Уильям Блэкстоун использовал идеи Монтескье при написании комментариев к английским

законам. Специалист в области политической философии американка Юдит Шкляр подчеркивала, что в период основания Американской республики «Монтескье считался оракулом». Джеймс Мэдисон, Томас Джефферсон, Джон Адамс и другие сознательно пытались применять его принципы при создании новой политической системы. Они цитировали его чаще, чем любого другого современного им автора (только Библия превзошла его в этом отношении). Он пользовался такой популярностью, что, как пишет Шкляр, «и те, кто поддерживал новую конституцию, и те, кто выступал против нее, активно черпали свои аргументы у Монтескье»¹².

Последствия капитализма

К XVIII веку своеобразная политическая культура Великобритании обрела свой окончательный и самый важный источник силы – капитализм*. Если схватки между церковью и государством, феодалами и королями, а также католиками и протестантами лишь приоткрыли дверь для свободы личности, то капитализм снес ограничивавшие ее стены. Ничто не отразилось на формировании современного мира в большей мере, чем капитализм, разрушивший тысячелетние традиции экономической, социальной и политической жизни. Он уничтожил феодализм и монархизм, когда в течение столетий главное значение имели происхождение и родословная. Он породил независимый класс деловых людей, мало чем обязанных государству и ставших доминирующей силой во всех развитых обществах мира. Он сделал основой современной философии изменения и динамизм, а не порядок и традицию. Капитализм создал новый мир, полностью отличный от того, что существовал тысячелетиями. Наиболее прочно капитализм укоренился в Англии.

Однако родился он в другом месте. К XIV столетию торговля и коммерция, большую часть средних веков пребывавшие в летаргическом состоянии, вновь расцвели в различных частях Европы. Революция в агротехнике привела к появлению излишков зерна, которые требовалось продать или обменять. Рыночные и портовые города – Антверпен, Брюссель, Венеция, Женева – стали центрами экономической активности. Система счетоводства с двойной записью, введение арабских цифр и подъем банковского дела превратили зарабатывание денег из любительского занятия в систематический бизнес. Вскоре коммерческие импульсы распространились от портовых городов вглубь европейской территории (сначала в Нидерландах, а затем и в Англии), что сказалось на всех видах сельскохозяйственного производства, ремесел, промышленности и услуг. До сих пор ведутся споры, почему самое раннее развитие капитализм получил именно в этих регионах, однако большинство специалистов по экономической истории согласны в том, что важную роль сыграло разумное государство, защищавшее частную собственность. Там, где капитализм преуспел, это произошло «главным образом благодаря созданному типу прав собственности», – пишут ведущие специалисты по данной теме Дуглас Норт и Роберт Томас¹³. К XVI веку в Европе стал складываться консенсус относительно того, что «собственность принадлежит семье, а суверенитет – государю и его чиновникам». Как пояснял один испанский правовед XV века, «на короля возложена только административная власть в королевстве, он не должен доминировать во всем»¹⁴. Впрочем, лишь в Англии действительно казнили короля (Карла I), причем в основном за то, что он произвольно вводил налоги.

Систематическая защита прав собственности привела к трансформации общества. Стало возможным отменить сложную систему феодальных обычаев и привилегий, препятствовавших эффективному использованию собственности. В Англии помещичья элита сыграла ведущую роль в модернизации сельского хозяйства. Через систему огораживаний и жестокий процесс утверждения прав на пастбища и общинные земли в пределах своих поместий лендлорды принудили земледель-

* Разнообразным дефинициям «капитализма» посвящены целые тома. Я использую данный термин в самом общем смысле, который согласуется с большинством определений, содержащихся в словарях, включая «Оксфордскую популярную энциклопедию» 1998 года издания. Там записано, что это «система экономической организации, основанная на рыночной конкуренции, при которой средства производства, распределения и обмена находятся в частном владении и управляются отдельными лицами либо корпорациями...».

цев и скотоводов, живших за счет использования этих территорий, к более специализированному и эффективному труду. В результате пастбища стали использоваться для выгула овец, то есть для нужд высокодоходной торговли шерстью. Приспособившись к развернувшейся капиталистической революции, английские землевладельцы не только сохранили свое влияние, но и содействовали модернизации общества. В противоположность им, французские аристократы не жили на землях, которыми владели, и мало способствовали повышению производительности своей собственности, по-прежнему продолжая взимать изрядный феодальный оброк со своих арендаторов. Как и во многих других странах континента, во Франции аристократы презирали коммерцию.

Помимо предприимчивой знати, капитализм привел также к появлению новой группы зажиточных и влиятельных людей, которые были обязаны своим богатством не землям, дарованным короной, а собственной хозяйственной активностью. Начиная с мелких аристократов и заканчивая предприимчивыми крестьянами, такие английские «йомены» составили, по словам одного историка, «группу амбициозных, агрессивных мелких капиталистов»¹⁵. Это были первые представители буржуазии – класса трудолюбивых владельцев собственности. Карл Маркс называл их «собственниками средств производства данного общества и нанимателями его работников». Он справедливо указывал, что этот класс стоял в авангарде политической либерализации в Европе. Так как его представители сильно выиграли от капиталистических порядков, верховенства права, свободных рынков, а также подъема профессионализма и меритократии, они поддерживали постепенные реформы, которые вели к развитию подобных тенденций. В легендарной теперь обществоведческой работе гарвардский ученый Баррингтон Мур-младший проанализировал, что приводило к демократии или диктатуре в разных странах мира. Свой главный вывод он выразил в четырех словах: «Нет буржуазии – нет демократии»¹⁶.

После того как основным средством достижения успеха в обществе стала предпринимательская активность, британская политика претерпела революционные изменения. Палата об-

щин, которая в XVII веке вырвала власть у короля и с тех пор управляла страной, теперь наполнилась недавно разбогатевшими купцами и торговцами. Численность титулованной знати в Великобритании всегда была незначительной: к концу XVIII столетия она составляла менее 200 человек¹⁷. Но их подпирал обширный класс, часто именуемый «английскими джентри». Это неродовитое мелкопоместное дворянство обычно было связано с аристократией и нередко брало на себя ответственность за местное управление. Однако, в конечном счете его престиж и влияние зависели от успехов в бизнесе, профессиональной деятельности или эффективности фермерства. Многие из таких людей пошли в публичную сферу. Не имея особой привязанности к прежнему порядку, они проталкивали прогрессивные реформы, нацеленные на обеспечение беспрепятственной торговли, свободных рынков, прав личности и свободы вероисповедания.

Три самых влиятельных британских премьер-министра XIX столетия – Роберт Пиль, Уильям Гладстон и Бенджамин Дизраэли – вышли из рядов джентри. Этот класс новых владельцев перенял многие характерные черты аристократии – помещичьи дома, визитки, охоты, но был более подвижным. «Джентльмены» пользовались широким уважением и даже в большей степени, нежели лорды, влияли на определение основных тенденций в обществе. Более того, к XVIII веку английский джентльмен стал почти мифической фигурой, к которой в обществе относились с придыханием. Рассказывают, что некая сиделка попросила как-то короля Якова I сделать ее сына джентльменом. Монарх ответил: «Я не в состоянии сделать его джентльменом, хотя могу сделать его лордом». Оказавшийся однажды в Англии француз высмеивал манеру английских аристократов подражать джентри: «В Лондоне хозяева одеваются, как их камердинеры, а герцогини перенимают фасоны у горничных»¹⁸. Сегодня английского джентльмена в основном вспоминают как денди, чья тонкая эстетика распространяется по всему миру под торговой маркой «Ральф Лорен». Однако истоки джентльменства непосредственно связаны с рождением свободы в Англии.

Английская Америка

Хотя к XVIII веку капиталистические отношения, система ограничений верховной власти, права собственности и конституционализм укрепились в большей части Европы, Англия считалась уникальной страной. Она была богаче, изобретательнее, свободнее и стабильнее любого общества на континенте. По замечанию Гвидо де Руджеро, «здесь были твердо гарантированы индивидуальные свободы, прежде всего – защита личности и собственности. Система государственного управления отличалась децентрализацией, а ее компонентов – самостоятельностью. Судебные органы пользовались полной независимостью от центрального правительства. Прерогативы королевской власти были жестко ограничены... Политическая власть была сосредоточена в руках Парламента. Разве мог континент продемонстрировать нечто подобное?» В то время многие наблюдатели приходили к подобному выводу, превознося британскую конституцию и национальный характер англичан. Некоторые авторы сосредоточивали свое внимание на экономических аспектах. По мнению Вольтера, «обогатив английских граждан, коммерция помогла им обрести свободу... а свобода, в свою очередь, способствовала дальнейшему распространению коммерции». Как отмечал наблюдательный французский аббат Койе, вместо того, чтобы поощрять декадентские развлечения дворянства, английское правительство помогало «достойному среднему классу, составлявшему драгоценную часть нации»¹⁹. Свободные рынки благоприятствовали обогащению среднего класса, который затем способствовал укреплению свободы. Это выглядело как своего рода «круг добродетели».

Землями, в наибольшей мере похожими на Англию, были ее колонии в Америке. Колонисты создали систему власти, сильно напоминавшую ту, что существовала в Англии периода правления Тюдоров. В 1776 году колонисты восстали против Георга III, потребовав своего уравнивания в правах с английскими подданными. По их мнению, издавна принадлежавшие им права оказались узурпированы тиранствующим монархом, что и вынудило их провозгласить независимость

от него. В известном смысле это стало повторением Славной революции в самой Англии, когда Парламент восстал против произвола монарха, главный проступок которого состоял в том, что он повысил налоги, не получив на то согласия своих подданных, то есть тех, кто подлежал обложению. Победителями как в 1688, так и в 1776 году вышли прогрессивные элиты, нацеленные на модернизацию и участие в коммерции. Помимо короля, в проигрыше оказались старые тори, сохранявшие верность короне и в Англии XVII века, и в Америке XVIII-го.

Но если Англия была исключением, то Америка стала исключением в квадрате. Она представляла собой Англию без феодализма. Конечно, в Америке имелись зажиточные семейства землевладельцев, но они не носили титулов, не располагали особыми правами от рождения и не наделялись политической властью, сравнимой с полномочиями членов Палаты лордов. Как писал историк Ричард Хофстадтер, чтобы понять Америку XVIII века, нужно представить себе реализацию уникальной возможности, а именно – «появление мира среднего класса»²⁰. Аристократические элементы в экономике и обществе присутствовали, но доминировали редко. На Севере они стали сходить на нет к концу XVIII столетия. По наблюдению историка Гордона Вуда, «в 1780-е годы можно было непосредственно почувствовать переход от немодернизированного к современному обществу, в котором уже начинали преобладать деловые интересы и потребительские вкусы обычных людей». Американская революция вызвала, по словам Вуда, «взрыв предпринимательской мощи», расширив разрыв между Америкой и Европой²¹. Отныне Америка стала откровенно буржуазной и гордилась этим. Спустя всего несколько дней после приезда в Соединенные Штаты в 1831 году, де Токвиль отметил в своем дневнике, что здесь «все общество как будто бы переплавилось в средний класс».

Американский путь к либеральной демократии был исключением из общего случая. Большинство стран не начинают своей национальной жизни в качестве нового общества, лишённого феодального прошлого. Будучи свободными от столетий монархии и аристократии, американцы не нуждались ни в сильном центральном правительстве, ни в социальной

революции, которая опрокинула бы прежний порядок. В Европе либералы боялись государственной власти, но и фантазировали по ее поводу. Они стремились ее ограничить, но нуждались в ней же для модернизации своих обществ. По хорошо известному замечанию де Токвиля, «большим преимуществом американцев стало то, что они достигли демократического состояния, не претерпев демократической революции... Они рождены равными, и им нет необходимости добиваться равенства».

К началу XIX века в Великобритании и Соединенных Штатах в основном расцвела свобода личности и господствовало равенство перед законом. Однако ни одна из этих стран не была демократической. В Великобритании до реформы 1832 года избирательным правом располагали 1,8 процента взрослого населения. После нее эта цифра поднялась до 2,7 процента. После следующего увеличения числа имеющих право голоса в 1867 году она достигла 6,4 процента, после 1884 года – 12,1 процента²². Только после полного предоставления права голоса женщинам в 1930 году страна стала соответствовать современному стандарту демократии, а именно – предоставлению избирательных прав всему взрослому населению. Тем не менее Великобритания повсеместно считалась воплощением модели конституционного либерального государства, то есть такого, которое защищает свободу и управляется на основе закона.

Америка была демократичнее туманного Альбиона, но не в той мере, как считают многие. В течение первых нескольких десятилетий существования США право голоса распространялось только на белых мужчин – владельцев собственности. Иначе говоря, действовавшая там система оставалась весьма похожей на ту, что была присуща стране, господство которой Соединенные Штаты сбросили. В 1824 году, то есть 48 лет спустя после обретения независимости, лишь 5 процентов взрослых американцев приняли участие в выборах президента. Эта цифра резко возросла в результате революции, произведенной Джексоном, и почти полной отмены имущественных ограничений. Однако вплоть до кануна Гражданской войны нельзя было говорить о том, что каждый белый мужчина в

Соединенных Штатах имеет право голоса. Негры теоретически получили право голоса в 1870 году, однако на Юге это реально произошло лишь спустя столетие. Женщины получили право голоса в 1920 году. Несмотря на столь очевидную нехватку демократии, в течение большей части XIX века Соединенные Штаты и их система законов и прав составляли предмет зависти всего мира. Со временем же конституционный либерализм привел к демократии, которая обеспечила еще большую свободу; и процесс пошел.

Континентальная Европа двигалась к либеральной демократии более извилистым путем, чем Великобритания и США, но также достигла ее. То, что в Великобритании и Америке протекало постепенно и в основном мирно, на континенте происходило скачкообразно и сопровождалось кровопролитием (об этом говорится в следующей главе). И все-таки к концу 1940-х годов большинство европейских стран стали либеральными демократиями, а почти все остальные добились этого после 1989 года, причем консолидация либеральных демократических режимов произошла быстро и необратимо. Причина понятна: у всех стран Запада общая история, в которой при всех вариациях важное место отводилось строительству конституционно-либеральной традиции. Англия представляет собой то, что ученые называют «идеальной моделью», в силу чего есть смысл выделять ее опыт. Однако если проводить сравнение со странами Азии или Африки, к XVIII веку даже самые ретроградные режимы Европы выглядели либеральными. У граждан имелись четко закрепленные права и полномочия (чего подданные незападных режимов не могли себе даже вообразить). Власть монархов ограничивалась законами и традициями. Гражданское общество частного предпринимательства, церковей, университетов, профессиональных гильдий и ассоциаций развивалось без особого вмешательства со стороны государства. Частная собственность была защищена, а свободное предпринимательство процветало. Зачастую подобных свобод на практике было меньше, чем в теории; время от времени они подвергались ущемлению со стороны монархов-деспотов. Тем не менее, в сравнении с остальным миром Запад действительно был «территорией свободы».

Культура как судьба

Эта краткая история свободы может показаться обескураживающей. Она подразумевает, что стране, надеющейся стать либеральной демократией, вероятно, следовало бы перенестись на Запад. Действительно, принадлежность к западному миру, пусть даже в качестве его периферии, — это несомненное политическое преимущество. Из числа стран, обретших независимость после распада советской империи, наилучших результатов в плане либеральной демократии добились именно те из них, которые некогда входили в состав австрийской и германской империй (а значит, обладали тем, что можно назвать «западным опытом»). Граница, в 1500 году прошедшая между западным и восточным христианством, сегодня отделяет успешные либеральные режимы от неблагополучных и нелиберальных. Польша, Венгрия и Чешская Республика самым определенным образом принадлежали к Европе и сейчас ушли дальше других в деле укрепления демократии; за ними следуют балканские государства. Причем даже на Балканах Словения и Хорватия, находящиеся по западную сторону разделительной линии между Востоком и Западом, добиваются хороших результатов, тогда как в Сербии и Албании (находящихся на восточной стороне) переходные процессы значительно более болезненны.

Означает ли это, что культура предопределяет историческую судьбу? Убедительные доводы в пользу этого приводились выдающимися учеными, начиная с Макса Вебера и заканчивая Самуэлем Хантингтоном. В настоящее время это весьма популярная идея. Все — и бизнес-консультанты, и даже военные стратеги — сегодня говорят о культуре, находя в ней легкое объяснение для большинства загадок. Чем объяснить бум в экономике США за последние два десятилетия? Это очевидно: нашей исключительной предпринимательской культурой. Почему Россия не способна адаптироваться к капиталистическим условиям? Тоже ясно: у нее феодальная, антирыночная культура. Почему Африка погрязла в нищете? И почему арабский мир плодит террористов? Снова виновата культура.

Однако подобного рода ответы слишком примитивны. В

конце концов, американская культура породила также стагфляцию и Великую депрессию. А некогда феодальные культуры Японии и Германии, судя по всему, хорошо приспособились к капитализму, что превратило их, соответственно, во вторую и третью экономики мира. Одна и та же страна способна добиться успеха и испытать провал в различные периоды своей истории, которые могут порой разделять не более чем несколько десятилетий. Это заставляет предположить, что здесь действует нечто помимо культуры, которая остается относительно неизменной.

Блистательный патриарх Сингапура Ли Куань Ю объяснял мне однажды, что если хочешь увидеть, как действует культура, сравни, как работают немецкие и замбийские рабочие где бы то ни было в мире. Ты быстро придешь к выводу, что в этих двух культурах заключено нечто весьма различное, что и объясняет неодинаковые результаты. Ученые приводят похожий аргумент. В интересной работе «Племена» Джозель Коткин утверждает, что есть простой ключ к хозяйственному успеху в современном мире: будь евреем или индийцем, а лучше всего — китайцем.

Ли Куань Ю и Коткин очевидно правы в своем наблюдении, что некоторые народы — китайцы, индийцы, евреи — добиваются блестящих результатов в самых разных обстоятельствах. (Я нахожу такой вариант культурной теории весьма привлекательным, поскольку сам по происхождению из Индии.) Но если быть индийцем — это ключ к экономическому успеху, то чем тогда объяснить удручающее состояние индийской экономики в первые четыре десятилетия после обретения независимости в 1947 году или, уж коли на то пошло, в течение сотен лет до этого? Когда я сам рос в Индии, я не считал индийцев способными к большим успехам в экономике. Помню тот день, когда в Нью-Дели легендарный член индийского парламента Пилу Модии во время «часа вопросов» задал премьер-министру Индире Ганди следующий вопрос: «Может ли госпожа премьер-министр дать ответ, почему индийцы, как можно наблюдать, процветают в материальном отношении при любом правительстве в мире, за исключением своего собственного?»

Такие же вопросы можно задать по поводу Китая – еще одной страны, где в течение сотен лет экономическое положение оставалось прискорбным и изменилось лишь два десятилетия тому назад. Если все, что вам нужно, это китайцы, так в Китае их больше миллиарда. Что же касается евреев, то хотя они и процветают во многих странах, но в единственном государстве, где их большинство, а именно в Израиле, вплоть до недавнего времени экономическое положение оставалось весьма неблагоприятным. Любопытно отметить, что экономическое положение всех трех стран (Индии, Китая, Израиля) заметно улучшилось примерно в 1980-е годы. Но это произошло не потому, что там поменялась культура, а потому, что их правительства изменили определенные направления политики и создали систему, более благоприятствующую развитию рынка. Сегодня Китай развивается быстрее, нежели Индия, однако это в большей мере связано не с предполагаемым превосходством конфуцианской этики над присущим индусам складом ума, а с тем обстоятельством, что Китай проводит более широкие, чем в Индии, экономические реформы.

Странно, что Ли Куань Ю оказался столь яростным сторонником доводов, подчеркивающих роль культуры. Сингапур не слишком отличается от соседней Малайзии в культурном плане. Он относительно более китайский и менее малайский, но если сравнивать с остальным миром, у этих стран много общего. Что действительно отличает Сингапур от соседей, так это то, что у него было эффективное правительство, проводившее мудрую экономическую политику. Нет сомнения, что последнее в большей мере, нежели врожденные культурные различия, объясняет сингапурский успех. Иными словами, ключевую роль в успехе Сингапура сыграл Ли Куань Ю, а не Конфуций. Я не утверждаю, что культура вообще не важна; напротив, она имеет большое значение. Культура воплощает в себе исторический опыт народа. Она укоренена в национальных институтах, формирует подходы и ожидания людей в отношении окружающего их мира. Но культура подвержена изменениям. Немецкая культура в 1939 году сильно отличалась от той, какой она стала всего через 20 лет, в 1959 году. Европа, некогда бывшая средоточием гиперационализ-

ма, теперь стала постнациональной, а европейские государства готовы уступать власть наднациональным органам в таких формах, которые американцам кажутся немыслимыми. Соединенные Штаты в былые времена являлись изоляционистской республикой, которая с большим подозрением относилась к регулярной армии. Теперь она превратилась в гегемона и держит гарнизоны по всему свету. Китайцы прежде были отсталыми крестьянами; теперь же это ловкие коммерсанты. Экономические кризисы, война, политическое лидерство – все подобного рода обстоятельства трансформируют культуру.

Сотню лет тому назад, когда Восточная Азия представлялась неизменно нищей, многие специалисты – причем особенно убедительно Макс Вебер – доказывали, что культуры, основанные на конфуцианстве, противоположны всему, что необходимо для успеха в капиталистических условиях²³. Десять лет тому назад, когда Восточная Азия переживала экономический бум, ученые перевернули аргументацию Вебера с ног на голову, заявив, что на самом деле в учении Конфуция упор делается как раз на тех моментах, которые важны для хозяйственного динамизма. Сегодня колесо прокрутилось дальше: многие усматривают в «азиатских ценностях» ингредиенты олигархического капитализма. Вебер в своем исследовании связывал экономический успех на Севере Европы с «протестантской этикой» и предсказывал, что католический Юг останется в бедности. Но в реальности Италия и Франция за последние полвека развивались быстрее, чем протестантская Европа. Чтобы объяснить хозяйственные неудачи ряда стран, можно прибегнуть к стереотипным представлениям о плутоватых латинянах и их слабой трудовой этике. Но как в таком случае объяснить происшедшее в Чили? Экономика этой страны развивается столь же успешно, как и у самых сильных из азиатских «тигров». Ее успех часто относят на счет другого набора латинских ценностей: крепкой семьи, религиозных норм и упорства.

По правде говоря, трудно найти простой ответ на вопрос, почему в какой-то период определенные общества добиваются успеха. Поэтому, исследуя такие случаи, мы выискиваем в культуре благополучных обществ истоки их успеха. Но куль-

туры неоднородны, каждый найдет в них то, что ищет. Если кому-то нужно обнаружить в Восточной Азии культурные факторы упорного труда и бережливости, то они там наличествуют. Если же, напротив, вы хотите нащупать тенденции к слепому подчинению и nepотизму, то и это там тоже есть. Ищите старательнее – и в большинстве культур вы найдете любые необходимые признаки.

Культура очень важна. Она может послужить как стимулом, так и тормозом; подстегивать или сдерживать перемены. Она может оказаться зашифрованной в институтах и практиках, которые зачастую и выступают действительными препятствиями к достижению желаемого. Неизвестно, способна ли индийская культура подорвать шансы Индии на экономическое процветание, но индийская бюрократия несомненно делает это. Подлинное преимущество Запада состоит в том, что сама его история привела к учреждению институтов и обычаев, которые, даже если они никоим образом не связаны с западными генами, трудно воспроизвести с листа в иных обществах. Тем не менее воспроизведение возможно.

Восточноазиатская модель

Рассматривая множество имевших место в последние три десятилетия случаев перехода незападных обществ к либеральной демократии, легко обнаружить, что страны, далее других продвинувшиеся по этому пути, использовали свою версию европейской модели: капитализм и верховенство закона в первую очередь, а демократия – во вторую. Южная Корея, Тайвань, Таиланд и Малайзия десятилетиями управлялись военными хунтами и имели однопартийную систему. Такие режимы либерализовали экономику, правовую систему, дали право на свободу отправления религиозных культов, а также въезда и выезда из страны, и лишь затем, уже десятилетиями позднее, провели свободные выборы. Они смогли обеспечить, возможно случайно, два существенных качества хорошего правления, которые были подчеркнуты Джеймсом Мэдисоном в «Федералисте». Прежде всего, правительство должно обладать способностью контролировать тех, кто находится под его влас-

тью. Кроме того, оно должно быть в состоянии контролировать самое себя. Порядок плюс свобода. В долговременной перспективе эти два фактора породят легитимное правительство, процветание и либеральную демократию. Конечно, сказать это легче, нежели сделать.

В 1950–1960-х годах многие интеллектуалы на Западе с презрением относились к восточноазиатским режимам, считая их реакционными, и, напротив, приветствовали популярных лидеров в Азии и Африке, которые проводили выборы и провозглашали свою веру в народ (например, в Гане, Танзании и Кении). Большинство подобных стран скатились к диктаторским режимам, тогда как Восточная Азия проследовала в прямо противоположном направлении. Тех ученых и интеллектуалов должно, конечно, изумлять, что наиболее устойчивые демократии в Латинской Америке и Восточной Азии – Чили, Южная Корея и Тайвань – в течение длительного времени управлялись военными хунтами. Как и в Западной Европе, в Восточной Азии автократии, проводившие либерализацию, заложили фундамент стабильных либеральных демократий.

Почти в каждом случае диктатуры приоткрывали экономику медленно и частично, но данный процесс приводил к все большей либерализации политического режима. Крупный специалист по восточноазиатскому региону Пэй Миньсинь писал:

После Второй мировой войны в Восточной Азии четко просматривается такая черта, как последовательный процесс авторитарной институционализации... Его суть составляло постепенное оформление современных политических институтов. Они формально и неформально лимитировали власть через господствующие партии, бюрократический аппарат, полуоткрытые процедуры выборов и все более автономную правовую систему. Это имело два плодотворных следствия – повышение уровня стабильности и обеспечение прав собственности (благодаря укреплению ограничений власти правителей, накладываемых под влиянием рыночных сил и новых политических норм)²⁴.

Восточная Азия все еще полна коррупции, nepотизма и

нарушений при голосовании на выборах – но тем же отличались большинство западных демократий всего 50 лет назад. Сегодня выборы на Тайване несовершенны, но они, скорее всего, более свободные и справедливые, чем выборы на американском Юге в 1950-х годах (или в Чикаго в 1960-х). Сейчас крупные конгломераты (*чеболи*) играют чрезмерную роль в южнокорейской политике, однако аналогичная ситуация имела место в Европе и Соединенных Штатах всего сотню лет назад. Владельцы железных дорог, сталелитейных и судостроительных компаний, а также крупные финансисты прошлого были, возможно, даже влиятельнее, нежели кто-либо из нынешних магнатов Восточной Азии. Они господствовали в Америке в «позолоченную эпоху» конца XIX века. Может ли кто-либо хотя бы вспомнить политических современников Дж.П. Моргана, Э.Г. Гарримана и Дж.Д. Рокфеллера? Нельзя судить о новых демократиях на основании стандартов, которым большинство западных стран категорически не соответствовало еще 30 лет назад. В настоящее время Восточная Азия представляет собой смесь либерализма, олигархии, демократии, капитализма и коррупции – то есть весьма напоминает Запад примерно в 1900-м году. Вместе с тем большинство восточно-азиатских стран существенно более либеральны и демократичны, чем множество других стран, к Западу не относящихся.

Еще более поразительное доказательство того, что конституционно-либеральное прошлое может привести к либерально-демократическому настоящему, удалось обнаружить покойному ныне политологу Майрону Вайнеру в 1983 году. Он отмечал, что по состоянию на тот момент «все без исключения страны “третьего мира” с населением не менее одного миллиона человек, освободившиеся от колониального правления после Второй мировой войны (а также почти все более мелкие бывшие колонии) и уже приобретшие достаточно продолжительный демократический опыт, являются бывшими колониями Великобритании»²⁵. Британское владычество подразумевало не демократию (колониализм по определению недемократичен), а ограниченный конституционный либерализм и капитализм. Теперь демократия появилась и в других странах «третьего мира»; однако в целом идея Вайнера оста-

ется верной. Говорить об этом – не значит защищать колониализм. Я вырос в постколониальной стране, и мне не нужно напоминать об институционализированном расизме и злоупотреблении властью, которые были частью имперского наследия. Но невозможно опровергнуть тот факт, что Британская империя оставила после себя наследие права и капитализма, которое помогло укрепить силы либеральной демократии во многих ее бывших колониях (однако не во всех*). Франция, наоборот, мало поощряла конституционализм или свободный рынок на оккупированных ею землях, в то же время она предоставила избирательные права некоторой части населения своих колоний в Северной Африке. Преждевременная демократизация во всех этих случаях привела к тирании.

Западный путь привел к либеральной демократии в том числе и страны, далекие от мира Запада. Однако в процессе демократизации имеют значение последовательность и правильный выбор момента. Большинство стран «третьего мира», объявивших себя демократиями сразу после обретения независимости, когда они были еще бедны и нестабильны, в течение десятилетия превратились в диктатуры. По замечанию, сделанному крупным исследователем демократии из Колумбийского университета Джованни Сартори по поводу перехода от конституционного либерализма к демократии, «этот маршрут не предполагает движения вспять». Даже имевшие место в Европе случаи отклонения от англо-американского образца (сначала конституционализм и капитализм, и только потом демократия) оказались гораздо менее успешными в плане обеспечения либеральной демократии. Чтобы убедиться в осложнениях, которые создает преждевременная демократизация, стоит вернуться назад во времени – в центр Европы начала XX столетия.

* Во многих колониях, которые британцы обрели на поздних стадиях своего имперского владычества и деколонизировали спустя всего несколько десятилетий (например, в Африке и на Ближнем Востоке) они мало преуспели в плане выстраивания институтов и установления верховенства закона. Еще хуже то, что они дурно провели границы, взвалив на эти государства этнические и религиозные проблемы с самого начала их независимого существования. В то же время в Южной Азии, на Карибских островах и, конечно, в поселенческих колониях (Канада, Австралия и Новая Зеландия) связь между британским колониальным правлением и демократией отрицать невозможно.